

на художественное значение Симонова монастыря. Ни Троице-Сергиев, ни Чудов, ни Спасо-Андроников монастыри не имели столь удачных условий для развития искусства, как Симонов монастырь. Поэтому естественнее предположить, что Андрей Рублев обучался именно здесь.⁹²

Троице-Сергиев монастырь еще в начале 70-х годов XIV в. сделался рассадником новых монастырей, основанных либо самим Сергием, либо его многочисленными учениками. Лично Сергей, кроме Троицкого монастыря, основал по разным случаям 6 монастырей: для себя в год известного конфликта с братом своим Стефаном — Киржачский Благовещенский, по поручению великого князя Дмитрия Ивановича Донского — Симонов Успенский (около 1370), Стромьшский Успенский (1381), Дубенский Успенский (около 1382) и коломенский Старо-Голутвин Богоявленский (около 1385) и, наконец, по поручению серпуховского и радонежского князя Владимира Андреевича — серпуховский Высоцкий монастырь во имя Зачатия св. Анны (1374).⁹³ Учениками Сергия основано 10 монастырей: Мефодиев — Песноский Никольский, Саввой — Рождества Богородицы на Сторожах в Звенигороде, Сильвестром — Обнорский Воскресенский, Павлом — Комельский Троицкий, Сергием — Нуромский Спасский, Авраамием — четыре монастыря во имя Богородицы в районах Галича и Чухломы и Иаковом — Железнодорожный во имя Иоанна Предтечи.⁹⁴

Не все новооснованные монастыри оставили след в истории искусства, большинство их не имело в этой области никакого значения. И лишь Симонов, серпуховский Высоцкий и Саввин-Сторожевский монастыри сделали либо местом жительства видных деятелей культуры и церкви, как Симонов и Высоцкий, либо точкой приложения творческих сил замечательных архитекторов и живописцев, как Саввин-Сторожевский.

Книгописная деятельность Симонова монастыря рисуется пока очень смутно. Единственное четкое свидетельство о нем содержится в житии Кирилла Белозерского, который до ухода на север жил в Симоновом монастыре. Автор жития Пахомий Логофет рассказывает: «Помысли архимандрит (Феодор, племянник Сергия Радонежского, — Г. В.) некую книгу писати и сего ради блаженному Кирилу повелевает от поварни изыти в келию и тамо книгу писати, якоже оуслыша Кирил, отиде в келию ... и тамо ... подвизашеся в писаниих...».⁹⁵ Это известие, помимо его конкретной исторической ценности, является весьма важным для характеристики монастырского книгописания XIV в. в целом. Оно показывает, что даже в крупнейших монастырях книгописание осуществлялось не силами писцов-профессионалов, а грамотными иноками, исполнявшими в остальное время обычную работу наравне с прочей братией. Отсюда же видно, что переписка книг в русских монастырях XIV в. велась по кельям, а не в особых книгописных палатах, подобных западноевропейским скрипто-

⁹² Нетрудно также объяснить, почему последние годы он провел в другом монастыре — в Андрониковом. С 1390 г. в Симоновом монастыре наступило «разращение» обычаев и преданий Феодора, виновником чего был некий Сергей Азаков, помогавший игуменского сана (Житие св. Феодора, архиепископа Ростовского, стр. 309). От этого «разращения» и вынужден был, наверное, бежать Рублев. В подобной ситуации оказался и Кирилл Белозерский, который последние семь лет перед уходом на север жил не в новом Симоновом монастыре, а в старом, около церкви Рождества Богородицы (Н. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века, т. 1, вып. 1. СПб., 1897, стр. 14).

⁹³ Е. Голубинский. Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая лавра, стр. 50, 61, 64—66, 76 и 77.

⁹⁴ Там же, стр. 79—82.

⁹⁵ В. Яблонский. Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908, Приложение, стр. XII.